

— Ссс...

Он судорожно втянул воздух. Кое-что побаливало, а в голове царил туман. Что за дела? Игрок по имени Е Вэньтао немного пришел в себя. Разве он только что не водил ученика любоваться пейзажами от нечего делать? Поддавшись ностальгии, они заглянули в деревню новичков — в те времена Маомао и Мо Юй были такими простачками, ради какого-то мягкого пирожка оббегали всю И Даосян, а Ли Фу оставался непреклонным гордецом: хоть какая красавица рядом вришь — и бровью не поведет. После они отправились к Могиле Великого Героя, весело рассуждая, что неплохо бы зажечь благовония, а потом...

Внезапно перед глазами всё потемнело, и на этом сказке конец.

— Эй! Ты что, от удара отупел? На голове вроде нет ран. Эй! Плакса?.. Сяо Тао?

Сама ты плакса, и вся твоя семейка — сплошные плаксы! Голос у самого уха помог Е Вэньтао постепенно прийти в себя. Черная пелена рассеялась, Е Вэньтао опустил руку, которой придерживал лоб, и наконец обрел способность видеть.

Судя по голосу, говоривший был сопливым пацаном, и, открыв глаза, Е Вэньтао действительно уткнулся взором в сопляка. Он прочистил горло и произнес:

— Ты...

Стоило ему выронить хотя бы один слог, как он тут же замолчал. Испугался — собственный голос напугал его до смерти. Мать моя богиня! С каких это пор его чарующий, низкий мужской баритон, от которого млели миллионы девчонок, стал таким детским и нежным?! В следующую секунду он и вовсе растерялся: твою мать, чьи это такие коротенькие ручонки и ножки?!

— Эй... Ты меня до инфаркта доведешь!

Пацан перед ним тоже занервничал: если поначалу в его тоне еще сквозило озорство и насмешка, то теперь ему стало по-настоящему страшно. Что за чертовщина? Раньше, получив тумачков, этот сорванец тут же поднимал вой на все лады и исходил слезами, а сегодня мало того что молчал как партизан, так еще, издав едва слышный звук, вдруг завис: уставился на собственные руки, взгляд потух, зрачки не фокусируются, а сам весь одеревенел. Ненормально, до чего же ненормально!

Мальчишка топнул ногой — в таком состоянии уже было не до того, чтобы скрывать всё от родителей, пожалуй, стоило позвать кого-нибудь осмотреть его. Он уже собирался повернуться и уйти, как Е Вэньтао внезапно поднял голову и в упор уставился на него. Мальчишка от неожиданности инстинктивно отпрыгнул назад. Эм, как бы это описать... Дикое звериное чутье, присущее детям от рождения, уловило в этих угольно-черных глазах нечто опасное.

Пара темных, как смоль, глаз впиалась в него мертвой хваткой. Секунду назад они были тусклыми, а теперь ярко блестели, и от этого пронзительного взгляда у мальчишки даже мурашки побежали по коже.

— Сяо Тао?

Сяо Тао? Ха-ха, разве что близкие друзья иногда в шутку звали его так в игре. Е Вэньтао почувствовал, что уже достаточно успокоился, чтобы заговорить:

— Где это мы?

Какого чёрта эта комната совсем не похожа на двадцать первый век, подумалось ему. Резные оконные переплёты в старинном стиле, изящная курильница с тлеющим мягким благовонием, огромная кровать с четырьмя столбиками для пологов. Убранство комнаты было поистине изысканным, но Е Вэньтао мог поклясться, что никогда раньше здесь не бывал — даже во сне.

— ...Ты точно в порядке? Это же твоя комната, — мальчишка почесал в затылке и приблизился, нахмутив брови, а затем ткнул пальцем в себя: — Всё ещё помнишь, кто я?

— Мой брат?

— Значит, не свихнулся, ну и славно, славно... — мальчик похлопал себя по груди, с облегчением выдыхая, и автоматически пропустил мимо ушей вопросительные нотки в голосе Е Вэньтао, приняв его слова за утверждение. Его лицо расслабилось. — Пока помнишь, что я твой старший брат Мо Юй, всё в порядке. Эй, плакса, ты ведь не специально притворяешься, чтобы подшутить надо мной?

— ...

— Прости, брат, не мог бы ты назвать своё имя ещё раз?

— Ты что сегодня удумаешь? Ладно, я Мо Юй, Мо Юй! Может, тебе ещё раз полностью своё имя назвать, о Е Вэньтао?

— Мо, которое со «знаком травы» наверху, и дождь, который с капельками?

— Только не говори, что твой учитель не учил тебя писать эти два иероглифа.

Е Вэньтао широко ухмыльнулся, обнажив ряд ослепительно белых зубов:

— Хе-хе, у меня в голове от боли всё перепуталось, вот я и спросил просто так.

Только теперь он заметил, что в стороне стоит совсем юная девушка в наряде служанки. Увидев, что Е Вэньтао пришёл в себя, она тоже вздохнула с облегчением и принялась молча укладывать вещи в аптечку. Мо Юй не удержался от жалости с упрёком:

— Я же говорил тебе не шататься одному где попало. Посмотри, тебя опять дворовая шпана поколотила, пришлось нам с Сяо Цуй всё скрывать. Тц, обычно ты ревёшь в три ручья, а сегодня даже носом не шмыгнул — а ведь есть успехи.

Сяо Цуй закончила собирать аптечку и протянула чашку чая. Е Вэньтао взял её и бросил как бы между прочим:

— Погода нынче в нашей Усадьбе Фужун просто отличная.

— Погода-то хорошая, но я думаю, тебе стоит побольше сидеть за переписыванием книг и учёбой, раз ты такую чушь нести начал. — Мо Юй скривил губы в насмешливой улыбке. — Тц, перестал плавать — и сразу отупел? Смотри мне, ещё раз увяжешься куда не надо.

Вспомнив, как Е Вэньтао вернулся с разорванной в клочья одеждой, весь в грязи и пыли, а в уголке рта темнел жуткий синяк, который никак не удавалось скрыть, Мо Юй помрачнел, и тон его резко изменился:

— Никому не позволено обижать младшего брата меня, Мо Юя! Хотя он оставался еще сопливым пацаном, нельзя было не признать: когда Мо Юй произносил эти слова, в нем все же

чувствовалось капелька крутизны. К сожалению, у Е Вэньтао сейчас не было времени этим наслаждаться, и тысячи слов слились в одну-единственную мысль в его сердце:

Твою ж мать!

Он попаданец, лаоцзы действительно попал в другой мир! Семья Мо из Усадьбы Фужун, Мо Юй... Скажите мне, что это мир Третьего меча, да-да, именно мир Третьего меча! Поскольку в последнее время он был по уши увязнут в этой игре, в голову лезло только это! Черт побери, я попал в мир Третьего меча! Всего-то играл в игру, обязательно было делать все настолько захватывающе?! Попаданцем стать — ладно, но почему во всяких новеллах все попадают в ученики именитых сект и становятся невероятно крутыми, дерзкими и властными, а он превратился в сопливого пацана? Да еще и в младшего брата Мо Юя! Разве у Мо Юя был не Маомао... О нет, погодите, не кровный брат... С каких это пор у Мо Юя появился родной брат?! Почему та ученица, что была помешана на сюжете и сплетнях, никогда ему об этом не рассказывала?!

Е Вэньтао так и подмывало начать биться головой о землю и заорать, но этот порыв, дошедший до самого мозга, вдруг обернулся полнейшей беспомощностью и бессилием. Он мог лишь схватиться за голову и тяжело вздохнуть, надеясь, что в этот момент кто-нибудь скажет ему, будто все это — лишь сон. Стоит ему проснуться, и он снова станет тем самым обычным парнем, который ходит на работу по графику и в свободное время режется в игры, а кучка братков все еще ждет его, чтобы всю ночь пить напролет и отвечать сальные комментарии проходящим мимо красоткам.

Что-то сладкое и мягкое вдруг уперлось ему в губы. Е Вэньтао замер и, приглядевшись, увидел кусочек пирожного. Мо Юй придерживал сладость пальцами и тыкал ею в рот Е Вэньтао:

— Это твой любимый османтусовой пирог! Если не съешь сейчас, я всё съем, ни кусочка тебе не оставлю!

Е Вэньтао моргнул и с криком: «Ам!» — яростно вгрызлся в угощение. Его вид напоминал до смерти голодного зверька, который пытался в один миг разжевать и проглотить невесть что. На секунду Мо Юй подумал, что его пальцам определенно конец, но, когда пирожное было утасовано, пальцы остались целы и невредимы. Слава богу, слава богу. Мо Юй с облегчением выдохнул: интересно, как именно обижали сегодня его младшего брата, что тот словно сам на себя стал не похож?

Сладкий и приятный вкус растекся во рту. Такое ощущение невозможно было испытать во сне, ведь Е Вэньтао никогда раньше не пробовал этот аромат — это было поистине наслаждение. В то же время это доказывало, что он не спит и не предается фантазиям: реальные ощущения не могут обмануть.

Прожевав кусочек пирожного, Е Вэньтао бросил взгляд на тарелку — она была доверху наполнена османтусовыми пирожными. Тьфу ты, оказывается, Мо Юй с самого детства был таким цундере: язык острый, а сердце мягкое. Но для него, у которого никогда не было родных братьев, это чувство оказалось вполне неплохим.

Раз уж он принял реальность своего перемещения, Е Вэньтао считал себя мужиком и не собирался заламывать руки от истерики. Он быстро привел мысли в порядок: информации в его распоряжении пока немного, сейчас он — Мо Тао, младший брат Мо Юя, а по времени события происходят до того, как Усадьба Фужун была уничтожена и Мо Юй вышел в Цзянху.

Судя по появлению у Мо Юя младшего брата, все это определенно расходилось с тем миром Третьего меча, в который он играл. Что же касается того, совпадает ли сюжет в общих чертах, покажет дальнейшее развитие событий — авось удастся активировать какое-нибудь скрытое задание и вернуться назад. Сейчас не время предаваться унынию или скорби; стоит относиться к этому как к игре в полномасштабную виртуальную реальность. Раз уж попал сюда, надо как следует всем насладиться.

А что будет дальше — разберемся со временем.

Не успел он оглянуться, как в Усадьбе Фужун прошло уже больше месяца. Е Вэньтао в роли юного господина жил донельзя беззаботно, и, видимо, бог попаданцев к нему благоволил — жизнь богатого наследника выглядела именно так.

То он вместе с Мо Юем лазал по деревьям за птичьими яйцами, то доводил учителя до того, что тот тарашил глаза от злости — словом, развлекался вовсю. Е Вэньтао с мрачной ленцой думал, что прожить так всю жизнь было бы вовсе недурно.

За этот месяц он узнал, что Мо Юю уже исполнилось шесть лет и у него уже случались приступы «безумия». Шесть лет — должно быть, именно в этом возрасте Мо Юй устроит кровавую баню в Усадьбе Фужун. Своим пониманием некоторых сюжетных деталей он был поистине обязан той ученице, что целыми днями болтала без умолку. Приступ безумия Мо Юя Е Вэньтао уже видел однажды: невинный ребенок после чудовищных мук внезапно начал безумно метаться, рвать на себе одежду и царапаться, а в момент просветления — резко оттолкнул Е Вэньтао и принялся отчаянно бить себя по голове, пытаясь вернуть контроль над телом. Всё это Е Вэньтао наблюдал своими глазами. В тех изменившихся глазах читались борьба, нежелание сдаваться и беспомощность.

Е Вэньтао хотел помочь ему, но был не в силах. Когда у Мо Юя начинался приступ, у Е Вэньтао тоже начинала болеть грудь, и эта боль распространялась по всем конечностям. На правой стороне груди Е Вэньтао имелась точно такая же метка, как и на левой стороне груди Мо Юя, только цветом она была бледнее, да и приступы не захватывали тело целиком, распространяясь лишь до предплечья. По сравнению с Мо Юем, Е Вэньтао считал эту боль вполне терпимой, да и причин не терпеть ее у него не было.

Будучи игроком фракции Злодеев с многолетним стажем, Е Вэньтао не испытывал слепой симпатии ко всем Десяти Злодеям. Из всей этой десятки он искренне уважал лишь Ван Ифэна и Мо Юя. Почему он так отчаянно цеплялся за лагерь Злодеев, Е Вэньтао и сам толком не мог объяснить — это было сродни необъяснимой одержимости. Поступки многих Злодеев вызывали у него лишь презрение. Если раньше он просто презирал тех психопатов, то теперь Е Вэньтао по-настоящему возненавидел Сяо Яоэра. Независимо от того, кто был прав, а кто виноват в прошлом, Е Вэньтао знал лишь одно: если бы не Сяо Яоэр, Мо Юй и он сам не оказались бы в

таком положении. Быть может, по сравнению с будущей участью грозного и властного Юного Долинохозяина Долины Злодеев, Мо Юй желал лишь самой обычной жизни — каждый день расти проказником рядом с младшим братом, унаследовать дела усадьбы, а повзрослев, обзавестись женой и детьми и прожить свой век в тишине и покое. Ни Мо Юй, ни кто-либо другой в тот момент даже не догадывались, сколь далека от них была эта простая и мирная жизнь.

Понимал это лишь один Е Вэньтао, оттого и улыбка Мо Юя казалась ему столь горькой. Ох, Мо Юй, Мо Юй... Спустя столько лет вспомнишь ли ты, что в Усадьбе Фужун жил вечно смеющийся молодой господин Мо Юй, суший маленький демон, возмущавший покой этого мира?

В ту ночь небо было ясным и усыпанным редкими звёздами. Шёл третий день Праздника фонарей. Первые два дня Е Вэньтао только и делал, что бродил по ночному рынку в поисках съестного, так толком и не полюбовавшись праздничными фонарями. Услышав, что нынче вечером намечается особенное веселье, он вприпрыжку побежал к комнате Мо Юя, намереваясь вытащить наружу Мо Юя и Сяо Цуй.

— Брат?

Дверь не была заперта и от легкого толчка распахнулась. Внутри Мо Юй не подавал голоса. Е Вэньтао прошел вглубь комнаты и наконец обнаружил на кровати нечто, похожее на завернутый в одеяло огромный цзунцзы. Уголки его губ тронула улыбка, он резким движением откинул одеяло, собираясь отпустить пару шуток, но рука его вдруг замерла в воздухе.

Мо Юй сжался на кровати в комок, до боли закусив посиневшие губы. Губы потрескались, сочась кровью, всё его тело крупно дрожало, глаза были крепко зажмурены, а красивые брови сурово сдвинуты в боли, которую почти невозможно было вытерпеть.

Нахмурившись, Е Вэньтао откинул ворот одежды Мо Юя и, как он и опасался, увидел, что метка на левой груди расплзлась ещё сильнее — на сей раз багровые следы покрыли не только руки и спину, но и всю грудь. Е Вэньтао коснулся собственного сердца: боли не было, его недуг не дал о себе знать, но смутное предчувствие беды кольнуло изнутри.

— Кхм... — Мо Юй открыл глаза. Его зрачки были не привычного для приступов фиолетового цвета, а бледно-крово-красными, то вспыхивая, то потухая. Е Вэньтао торопливо заговорил с ним: — Брат, как ты себя чувствуешь? Я позову отца с мамой, чтобы они привели лекаря.

Услышав слова Е Вэньтао, Мо Юй отчаянно затряс головой. Он с трудом приподнялся, беспорядочно взмахивая руками и ногами, и лишь благодаря тому, что Е Вэньтао поддержал его, смог усидеть на месте. Мо Юй внезапно разорвал на себе одежду и, скрючив пальцы в подобие когтей, яростно вцепился себе в грудь, оставляя на коже бросающиеся в глаза кровавые полосы. Е Вэньтао испуганно схватил его за руки, пытаясь остановить, но сил у Мо Юя сейчас было через край, и удержать его Е Вэньтао никак не мог.

Боль — лучшее лекарство, чтобы обрести ясность рассудка. Снова и снова ощущая жгучую

боль в груди, Мо Юй изо всех сил старался разглядеть того, кто стоял перед ним... Кто это?.. Точно, это же Сяо Тао, его собственный младший брат, младший...

— ...Уходи... — выдавил он слово сквозь почти стертые от напряжения зубы и оттолкнул Е Вэньтао.

Это был их последний разговор в годы детства.

Е Вэньтао и впрямь ушел, не оглядываясь. Обнаженная кожа Мо Юя начала приобретать лиловатый, а затем и вовсе чернеющий оттенок. Это был не обычный приступ: за всю жизнь в Усадьбе Фужун Мо Юй лишь единожды полностью утратил рассудок и обезумел. Он знал, что сейчас ему нужно сделать лишь одно — бежать!

— Отец, мама, я хочу посмотреть на фонари, побудьте со мной сегодня вечером, ладно?

— С чего это сегодня не видно Мо Юя? Вы же вечно не разлей вода?

— Брат... Брат сказал, что чувствует себя неважно и хочет лечь спать.

— Неважно себя чувствует? Тогда немедленно пошлите кого-нибудь проверить его!

Е Вэньтао был готов прибить себя за этот дурацкий выдуманный повод! Разве могли родители оставить заболевшего Мо Юя и уйти развлекаться? Даже думать не стоило, супруги Мо были вовсе не из таких людей! Е Вэньтао и сам чувствовал, что потерял голову, а ладони его покрылись холодным потом.

— Брат выпится, и ему точно станет лучше, отец с мамой, побудьте со мной хоть разок!

— Сяо Тао, не капризничай. Матушка Чжан, отведи Сяо Тао и Сяо Цуй, с ними будет эта девчонка, и хватит. А мы пойдем проверим Сяо Юя.

Хотя он и терпеть не мог изображать из себя милого капризного ребенка, Е Вэньтао считал, что в шкуре этого малыша нет ничего стыдного в том, чтобы попрасть гордость ради цели, поэтому он пустил в ход все актерские способности, но в итоге на прогулку с ним отправились лишь Сяо Цуй и матушка Чжан.

Шёл последний день любования фонарями, и на улице было необычайно шумно. Толпы людей сновали туда-сюда, величественные и красивые повозки с фонарями привлекали взоры, а водная гладь канала казалась копией звездного неба — плывущие бумажные фонарики соперничали в красках с мириадами звезд. Лавируя среди толпы, Е Вэньтао не ощущал ровным счетом ничего: ни смеха Сяо Цуй, ни суеты шумной улицы. Оглянувшись, он издали бросил взгляд на Усадьбу Фужун, но протянув руку, не смог схватить ничего.

— Молодой господин, речные фонарики принесли!

Стоя на берегу и подставляя лицо дуновению ветра, Е Вэньтао машинально принял фонарик. От холодного ветра его передернуло, и он плотнее запахнул воротник. Тьфу, и с каких пор он стал таким неженкой?

Сяо Цуй с восторгом пустила фонарик по воде, сложила ладони и закрыла глаза. Ее покрасневшее личико излучало благочестивую сосредоточенность. Когда она открыла глаза, Е Вэньтао спросил:

— Сестрица Сяо Цуй, о чем ты загадала желание?

Сяо Цуй хихикнула:

— Хи-хи, молодой господин, если скажешь вслух, оно не сбудется.

Е Вэньтао опустился прямо на береговую кромку, ни капли не заботясь о том, что испачкает одежду, и принялся крутить в руках речной фонарик, равнодушно бросив:

— Сестрица Сяо Цуй, расскажи мне, как ты жила до того, как попала в семью Мо.

— До того, как попала сюда?.. — Сяо Цуй без лишних церемоний уселась рядом прямо на землю и закинула голову к небу. — Я родилась в небольшой горной деревне. Когда мне было восемь лет, на нас напали бандиты. Мои родители и младший брат погибли от их мечей, а меня увезли и продали работоторговцам, которые собирались отправить меня в веселый дом.

Спокойный тон Сяо Цуй заставил Е Вэньтао внутренне изумиться. Эта тринадцатичетырёхлетняя девочка рассказывала о пережитом так беспристрастно, будто повествовала о чужой судьбе, а вовсе не о том, что выпало на ее собственную долю.

Речной ветерок растрепал черные пряди волос Сяо Цуй, и Е Вэньтао впервые всмотрелся в эту девочку повнимательнее. В ее сияющих глазах не было растерянности — лишь трепетное стремление к будущему.

— Раньше я думала, что несчастнее меня человека на свете нет. И так было до тех пор, пока господин с госпожой не выбрали меня на дороге и не выкупили в дом Мо. — Девочка чуть смущенно опустила голову и залиvisto рассмеялась: — Пусть с моим положением служанки говорить такое немного дерзко, но в глубине души Сяо Цуй считает семью Мо своим настоящим домом. Я и замуж выходить не стану — останусь в доме Мо, состарюсь здесь нянькой, буду заботиться о детях молодых господ, и с меня хватит этого на всю жизнь.

— Ххе.

Е Вэньтао тихо усмехнулся. Он не мог и вообразить, как тяжело пришлось Сяо Цуй в те годы, равно как и не мог представить, сколько надежды подарила ей семья Мо. Что же случится после?.. Е Вэньтао по-прежнему не представлял, но он знал точно: семья Мо занимала в сердце Сяо Цуй львиную долю, это было нечто невероятно тяжелое, несокрушимо важное. Если эта опора рухнет в одночасье, перенесся столь резкое падение с вершин счастья в бездну, что станет с этой девчонкой? Он действительно не знал.

Опустив речной фонарик на воду и слегка подтолкнув его, он проводил взглядом уплывающие огни. Сяо Цуй тут же поддалась вперед:

— А о чем загадал желание молодой господин?

Е Вэньтао вернул ей ее же слова:

— Если скажешь вслух, оно не сбудется.

Сяо Цуй, прекрасно понимая, что сама виновата, высунула язык: мол, а ей же любопытно!

Е Вэньтао вовсе не загадывал никаких желаний. По идее, ему следовало бы пожелать поскорее вернуться в современный мир, но в тот момент, когда он отпустил фонарик на воду, у него действительно не нашлось ни единого желания.

Тому, чему суждено прийти, неминуемо суждено случиться; а то, чему не бывать, не случится ни при каких обстоятельствах.

Луна поднялась к самым верхушкам деревьев, и тройца Е Вэньтао двинулась обратно в усадьбу. Не доходя до ворот каких-то сто метров, матушка Чжан зажала нос рукой и принялась остервенело махать перед лицом ладонью:

— Ой-ёй-ёй, откуда это разит такой мертвечиной? Поблизости вроде отроду не было мясников!

Сердце Е Вэньтао сжалось — запах крови.

Калитка усадьбы была приоткрыта. В тот самый миг, когда он распахнул ее настежь, Е Вэньтао отчетливо услышал стук собственного сердца и испуганные крики Сяо Цуй и матушки Чжан.

Мальчик-служанка Мо Сяо, повар дядя Ван, тот самый стражник, что вечно ловил его за попытки сбежать... Ах, а вон та служанка по имени Мэйэр, что вечно пряталась под деревом, глядя, как Мо Юй ворует птичьи яйца, и дрожала от страха перед старшими, — кажется, ее собирались выдавать замуж в этом году? За кого же? Ах да, за молодого учителя. А где сам учитель? О, разве тот человек, что лежит вон там на каменном жернове, не учитель?..

Хе-хе... Все они лежат... А вот та, что стоит вертикально, намертво прилепленная к стволу дерева, будто вросшая в него живьем, — с выкателенными от ужаса глазами, сплошная кровавая каша, разорванная на куски...

Шаг за шагом Е Вэньтао шел вперед, медленно продвигаясь по переднему двору. Подошвы его обуви тонули в лужах крови, поднимая алые брызги, а подол одежды окрасился в зловещие багровые тона. Весь этот месяц он старался избегать излишней привязанности к этим людям, но теперь вдруг понял, что каждое из этих лиц до боли знакомо — он мог припомнить даже вечно молчаливого конюха. И ни у одного из них глаза не были закрыты до конца...

В комнате Мо Юя, у самой кровати, лежали тела его нынешних отца и матери. Гортань матери была переломана чьей-то жестокой рукой, а изо рта отца текла темная кровь. Но в глазах стариков не было ужаса — лишь недоумение...

Е Вэньтао опустился на колени, закрыл обоим глаза и трижды тяжело поклонился, ударившись лбом о пол.

— Спите с миром.

Я занял тело вашего сына, но вы относились ко мне как к родному. Переместившись в этот мир, этот дом обрел я благодаря вам. Е Вэньтао... нет, Мо Тао — всё, что у него сейчас есть, дано вами. Пусть мы были знакомы едва пару месяцев, но вы заслужили эти три поклона!

Войдя в главный зал, он вновь повсюду наткнулся на трупы. На лицах некоторых людей все еще застыла улыбка, с которой они жили мгновение назад — должно быть, все произошло так быстро, что они ничего не почувствовали? Что ж, по крайней мере, это можно назвать удачной смертью.

Е Вэньтао поднял с пола валявшийся кусочек османтусового пирожного и заталкивал его в рот, проглатывая кусок за куском. Выпечка больше не казалась сладкой — примесь тошнотворного запаха гниющей крови вызвала отвращение, но Е Вэньтао все же проглотил все валявшиеся на полу пирожные. Он подумал, что, пожалуй, в этой жизни больше никогда добровольно не прикоснется к османтусовым сладостям.

Резня была безупречно чистой — в живых не осталось ни единой души.

Е Вэньтао с трудом вытащил потерявшую сознание Сяо Цуй за ворота усадьбы. Почему он не помог матушке Чжан? Да потому, что матушка Чжан не просто лишилась чувств — ее слабое сердце не вынесло потрясения, и она тоже ушла.

Усадьба Фужун, некогда столь цветущая, ныне превратилась в реку крови. Подобное зрелище подкосило бы любого.

Интересно, когда Мо Юй бежал из усадьбы, сохранил ли он рассудок? А если сохранил, о чем он думал?

Как же раздражает эта пятилетняя оболочка, в которой не хватает сил сдвинуть с места даже хрупкую тринадцатилетнюю девчонку. Е Вэньтао притащил Сяо Цуй к углу стены у самых ворот, рухнул рядом без сил и тяжело задышал. В голове было пусто, а по лицу текло что-то властное.

Пошел дождь? Нет.

Е Вэньтао провел ладонью по лицу. Черт побери, с чего бы ему плакать? Ах ты ж никуда не годная оболочка! Если тебе так жалко этих людей, с какого перепугу ты позволила мне, чужой душе, вселиться сюда и отнять это тело?

<http://bllate.org/book/21111/2142501>